

Ирина Логвинова

ИХО РАО, научный сотрудник

Библейская составляющая мировосприятия йенских романтиков

Многие исследователи (Н.Я.Берковский, Б.Г.Реизов, И.Н.Тертерян, Д.С.Наливайко, А.В.Карельский и др.) считают романтиков (имея в виду поздний этап романтизма) индивидуалистами, пессимистами, разочаровавшимися в своих идеалах. Разделяя романтизм на ранний и поздние, они отмечают, что в позднем романтизме преобладают черты пессимизма. Так, А.В. Карельский отмечает: «Те, кого чуть позже назовут романтиками, были в ту пору не «крупнейшими представителями» и не «выразителями»; они, собственно говоря, в годы революции еще вообще не были романтиками – в историко-литературном смысле. То было «племя младое, незнакомое», юность Европы, – как не понять их восторгов? Вордсворту и Гельдерлину 19 лет, Новалису, Фр. Шлегелю и Кольриджу 17, Тику и Вакенродеру 16, Саути 15»¹. Они с восторгом встретили революцию, а затем разочаровались в ней. И вот именно в этот момент, как подчеркивает А.В. Карельский, в момент разочарования в революции и начинается история романтизма как литературного феномена: «Воодушевление – факт личной биографии каждого из этих писателей; разочарование – начало его литературной биографии как романтика»² и в этом – коренное отличие раннего (йенского) романтизма от последующих этапов романтизма. Йенские романтики восприняли идеи Французской революции непосредственно, а для поздних романтиков эти идеи и восторг, который они вызвали в молодых сердцах и умах, уже не так близки и актуальны.

¹ Карельский А.В. Революция социальная и революция романтическая // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. II. – С. 190.

² Карельский А.В. Революция социальная и революция романтическая // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. II. – С. 206.

На самом деле такое видение романтизма спорно. Романтики были великими оптимистами. Они никогда не отрывались от земли, не стремились уйти от действительности. Даже когда они изображают враждебный человеку мир, механизированный и бездушный (Гофман), то параллельно всегда показан другой, светлый мир природы и искусства. Также Новалис, не призывает к смерти в своих «Гимнах к ночи», как можно было бы судить по неточному переводу В.Микушевича³. Если прочесть оригинальный текст, то там ночной мир оказывается колыбелью, местом и временем уединения, необходимого для преодоления скорби. Пережив смерть возлюбленной, лирический герой хоронит свою печаль в лоне ночи, обновляясь, переживая духовное возрождение.

О светлом мировосприятии романтизма в целом свидетельствуют исследования И.В.Карташовой, ученицы Н.А.Гуляева, создателя целой романтической школы в Казани, а затем в Твери. И.В.Карташова утверждает: «В романтизме нередко видели (особенно в работах позитивистского толка), да и сейчас часто усматривают проявление изощренного и болезненного мироощущения, попытку заглянуть в некие страшные, опасные бездны, тягу к демоническому и т.д. Н.А.Гуляев и в данных вопросах был глубоко оригинален. Он смог увидеть в романтических идеалах устремленность к великим, вечным и *простым* истинам, возвращение к *естественности*. По его мысли, идеальный романтический герой живет по укорененным в его сердце общечеловеческим нравственным законам, обращен к надмирным и непреложным христианским ценностям: любви и верности, почитанию родителей, милосердию, самоотвержению. В отличие от классицизма, обращение к этим ценностям обогащает романтическую личность. По мнению Николая Александровича, романтизм заново открыл человеческое

³ (См.: Новалис. Гимны к ночи. – М.: Энигма, 1996. – 192 с.) Б.А.Максимов, переводчик и исследователь Новалиса, выявил, что в современном переводе Владимира Микушевича в самом знаменитом - шестом - гимне добавляются «могила», «смерть» и «мрак» там, где у Новалиса нет ни могилы, ни смерти, ни мрака.

в жизни и искусстве, и это человеческое наполнилось высоко гуманным содержанием»⁴. Пессимистическая концепция романтизма во многом связана с представлением в советской литературоведческой науке о том, что на смену романтическому мировосприятию приходит реалистическое. На самом деле, если внимательно проследить историю развития романтизма, то мы увидим, что реализм уже содержался в эстетике романтизма как возникающий на основе романтического взгляда на мир (изображение романтиками действительности могло достигать бытовой конкретности и выразительности, часто принимаемых за проявление реалистических тенденций в творчестве писателя).

Л.Е.Семенов⁵, сближая христианство и романтизм, называет их двумя взлетами гуманизма, прорывом человечества к постижению своей сути. А.Бестужев и В.Жуковский видели глубинное сходство романтизма и христианства. Христианство в понимании романтиков очень специфично. На это указывает И.В.Карташова: «Думается, что при всей искренней религиозности таких деятелей йенского кружка, как, напр., Вакенродер или Новалис, «религиозное» в раннем романтизме порой приобретало некий «метафорический» смысл. Этим термином романтики пытались обозначить особую сложность своего универсалистского мироощущения и миропонимания, должного объединить философское и поэтическое, рациональное и эмоциональное, активность и созерцательность»⁶. Таким образом, в сознании романтиков религиозное чувство ассоциировалось с эстетическим и выражало отношение личности к миру. Слово «религия» употребляется ими как любое отношение человека к бесконечному (Ф.Шлегель), как все великое и прекрасное (Вакенродер), все чудесное, что открывается человеку в привычных событиях (Шлейермахер).

⁴ Мир романтизма. – Т. 14(38). – Тверь, 2009. – с.12.

⁵ Романтизм: грани и судьбы. Ч.1,2. – Тверь, 1998. – с.21.

⁶ Карташова И.В. Этюды о романтизме. – Тверь, 2002. – с. 23.

В связи с религией и библейской темой у романтиков хотелось бы остановиться подробнее на творчестве Вакенродера, а именно на одном его эссе «О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве».

В нем Вакенродер говорит о братстве, понятием в религиозном, христианском смысле (это идет еще от средних веков, которые были открыты романтиками не как мрачный период истории, а как полный смысла и света мир).

Эссе Вакенродера начинается со слов о божественной благодати, которая разлилась во все концы земного шара. Романтик пишет о Творце, который «ровным оком почиет над творением рук Своих, с благостию приемля жертвы природы и живой и безжизненной»⁷. Так же начинается и библейский рассказ о сотворении мира, когда на седьмой день Бог почил от трудов своих, удовлетворившись видом того мира, который Он создал. Однако, если в Библии сказано о сотворении Адама и Евы, так сказать, в единственном экземпляре, то Вакенродер пишет о сотворении братства людей, что является для романтической эстетики (и для поэтики Нового Завета) принципиальным: «Равно и человек из Творческой десницы Его исшел в тысящеобразных видах. – братья одинаго семейства – люди не знают себе подобных; они, выражаясь размытыми языками, дивятся друг другу: но Он ведает всех и радуется Своему творению...»⁸. Помимо мотива христианского братства (который, кстати, звучит в произведениях многих романтиков: «Ученики в Саисе» Новалиса, «Странствования Франца Штернбальда» Л.Тика, «Люцинда» Ф.Шлегеля), в этой цитате звучит христианский мотив присутствия Бога в созданном им мире, Бога, который видит и оценивает душу и поступки каждого человека. Только к этому мотиву Вакенродер добавляет мысль, которой в Новом Завете нет, а

⁷ Ваккенродер В.Г. О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве // Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. – М.: Типография К.Ф.Некрасова в Ярославле, 1914. – с. 58.

⁸ Ваккенродер В.Г. О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве // Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. – М.: Типография К.Ф.Некрасова в Ярославле, 1914. – с. 59.

именно – мысль об искусстве. Эта мысль звучит в утверждении, что искусство в «вечноизменяемых видах» восходит к небу «из разнообразных стран земли, возсылая из сосудов своих единую, слиянную волю благоухания ко Всеобщему Отцу, Который в деснице Своей держит и землю, и все на ней сущее»⁹ и признает в каждом творении искусства «след той небесной, божественной искры, которая, из Него исшед и воспламенив грудь человека, является и в его малых творениях, где просиявает новыми лучами перед взором Великого Создателя. Для Него Готический храм столькоже благолепен, как и храм Греков; для Него грубая, воинственная музыка диких стольже благозвучна, как и обильные гармониею хоры и песни церковныя»¹⁰. Мысль об искусстве развивается у Вакенродера в идею братства всех народов земли. Единый Бог, понятый как библейский Творец, превращается у него в образ Универсального творческого начала. Происходит объединение христианского и эстетического, философского понимания Бога. Этот синтез лежит в основе романтического светлого и радостного мировосприятия. Главная идея романтиков, следующая из их миропонимания – христианская идея единения, братства, терпимости и любви к ближнему, основанная на возвышенном восприятии искусства.

Вакенродер говорит о том, что каждый человек ищет красоты (религиозный человек ищет красоту Божественную, романтик ищет красоту земную, восходящую к Божественной и происходящую от нее), и у каждого человека чувство прекрасного «принимает особенный оттенок», но есть всеобщее понятие красоты, «всеобщая, первоначальная красота, которую мы в минуты восторженного созерцания только именуем, хотя не можем изъяснить словами», и которая «является в полном величии Тому,

⁹ Ваккенродер В.Г. О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве // Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. – М.: Типография К.Ф.Некрасова в Ярославле, 1914. – с.60.

¹⁰ Ваккенродер В.Г. О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве // Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. – М.: Типография К.Ф.Некрасова в Ярославле, 1914. – с.61.

Кто и радугу, и взор, её обозревающий, соделал»¹¹. Цельное поэтическое мирозерцание, по Вакенродеру, невозможно без духовного благоговения перед Тем, кто сотворил красоту мира. Каждый человек, даже не будучи религиозным, способен задуматься о том, какая непостижимая великая сила создала прекрасный мир, в котором мы живем.

Таким образом, в эссе Вакенродера обозначены основные библейские мотивы: христианского братства, божественного присутствия в мире. Однако, как справедливо отмечает Л.Е.Семенов, они не являются в полной мере религиозными. Эта мысль подтверждается тем, что в контексте идеи романтического универсализма библейские мотивы дополняются и развиваются мыслями об искусстве, как порождении той божественной искры, которую вдохнул в человека Творец. Мысль об искусстве делает мотив братства универсальным мотивом романтизма, примиря своей универсальностью разные религиозные представления о Боге. Эстетика романтизма, несомненно, имеет в виду христианского Бога-Творца. Однако в своих представлениях и размышлениях о Нем делает религией искусство, вдохновленное божественной искрой; искусство, разлитое во всей природе. Искусство, становясь у романтиков универсальной религией для всех времен и народов, объявляется основой универсального романтического братства, основой нового, справедливого мира.

¹¹ Вакенродер В.Г. О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве // Вакенродер В.Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. – М.: Типография К.Ф.Некрасова в Ярославле, 1914. – с.66-67.